

Цветаева М. И.

3.10.92.

Лучшие — не доживают, это давно известно. Что же, Господь так нетерпелив? Или здешнее наше обиталище — не самое подходящее место для гениальных умов и светлых душ? И, намаявшись в убогости земного пространства, они излечиваются от жизни — ускользнув?

Время, я не поспеваю.

Мера, я не уместаюсь.

Перед самым возвращением на родину, после 17 лет эмиграции Цветаевой снится ужасный сон. Сон об умирании. Она поняла это и так и сказала в своих записях: дорога на тот свет. «Несусь неудержимо, с чувством страшной тоски и окончательного прощания Точное чувство, что лечу вокруг земного шара, и страстно — и безнадежно! — за него держусь, зная, что очередной круг будет — Вселенная: та полная пустота, которой так боялась в жизни: на качелях, в лифте, на море, внутри себя. Было одно утешение: что ни остановить, ни изменить: роковое...»

Два с небольшим года спустя в России, в Елабуге она решила, что сну пора сбыться — и ушла на этот «очередной круг».

Так никогда и не состарилась. Не стала некрасивой, больной, беспомощной.

Так и ушла — своей легкой походкой, изящная, с тонкой талией девочка.

Позволила своему возлюбленному пережить себя едва не на полвека, наказав его горькой мукой: наблюдать мумифицирование любви. Он был все еще жив — возлюбленная же становилась историей, легендой, мемуарами, изваянием из камня... Но для него — всегда Марина.

Марина Цветаева. Эффектно и даже вычурно. Даже похоже на псевдоним. Но за цветочным именем — израненная душа мытаря, скитающегося в бесконечности страстей. Везде — не дома, всегда — не богата (если не считать бедня!) и, в общем-то, не слишком удачлива. В маркизанском обзоре своей неуемной воительницы-судьбы.

И все-таки существовало на земле место, где она была абсолютно счастлива и абсолютно несчастна — а значит, где она была У СЕБЯ, — Чехия.

Родина всех, кто без страны

Центр русской эмиграции начала двадцатых.

Чехия, куда она приехала 30-летней, чтобы после сокрушительных толчков пострелюционного бытия, разметавшего всю упорядоченность жизни, начинать все сначала. Чехия, где она прожила ровно три года и три месяца, где были написаны лучшие ее стихи, где появился на свет сын, где был встречен герой ее поэм — о не прожитой с которым жизни она сожалела

всю жизнь, — Константин Родзевич.

...Много лет спустя в Париже в гостях у старого друга Марка Слонима они вспоминали свое чешское бытие и то, как однажды Марина, засидевшись у Слонимов в гостях в Праге, опоздала на пригородный поезд, и Марк повез ее в деревню Вшеноры на таксомоторе, а она читала ему свои стихи... И, вспоминая это, Цветаева сказала: да, все это было на другой планете.

В письме к своей чешской подруге Анне Тесковой, написанном в тридцать восьмом, за пять дней до мюнхенского соглашения, она писала:

«День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу с ней, в ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец...»

И еще: «Я бы хотела быть чехом — и чтобы мне было 20 лет: чтобы дольше драться...»

В Париже у случайного встречного она выменивает свой хороший кошелек из кожи на грошовую коробочку для булавок, потому лишь, что на коробочке надпись: «Praha». А ожерелье из богемского хрусталя она обещает носить, не снимая всю жизнь.

Цветаева никогда уже не вернется в Чехию, но я — полвека спустя — поеду на ее «другую планету» — во Вшеноры.

15 минут автомобильной езды от Праги по шоссе номер четыре — вот и Вшеноры. Пейзаж, каким обыкновенно мы рисуем в своем воображении Швейцарию: величественные холмы, поросшие буйной зеленью, и нарядные черепицы домов, откровенно свидетельствующих небедности их обитателей. Солидные иномарки, теснящиеся на узеньких улочках, приусадебные лужайки, расточительно-небрежно усыянные цветами вместо привычной российской глазу картошки, — вот и все Вшеноры.

Но где же живые белоснежные облака гусей, шарящих по земле змеинными шеями? Где убогие витрины сельских лавок, где запах булок с миндалем и изюмом?

Все исчезло. Все — лишь в детских воспоминаниях ее дочери. И, может быть, здесь никто уже не помнит Марину?

Я не знаю, где спросить о ней и как разыскать ее дом. И потому открываю первую попавшуюся мне незапертую дверь какого-то претенциозного магазинчика в стиле па-

рижских «бутиков» и спрашиваю у хозяйки: «Простите, вы случайно не знаете, где жила русская поэтесса Цветаева?»

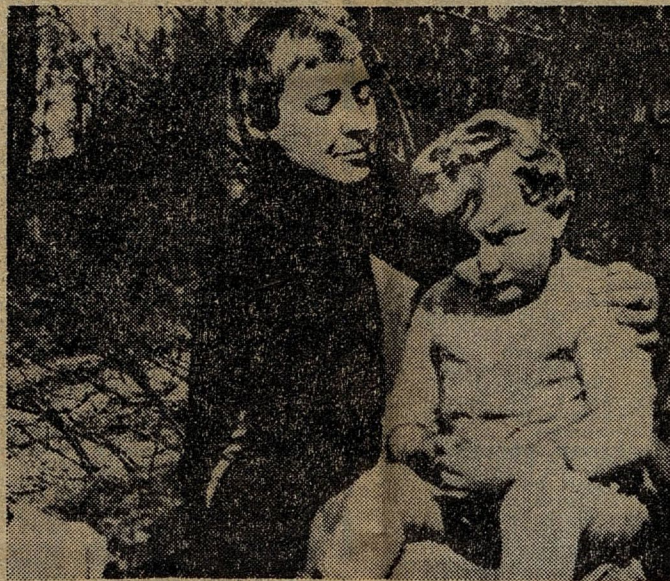
Но случайность оказывается счастливой: муж хозяйки «бутика» — владелец и редактор районного журнала «Регион» пан Стыбло как раз готовит к публикации статью о Марине Цветаевой. Через десять минут пан Стыбло тут как тут с верстой статьи в

после смерти... Пан Стыбло, видимо, прочитывает мои грустные мысли и, как бы оправдываясь, говорит: «Да, гостиницу не реставрируют, потому что не знают, что с ней потом делать. Ведь селу, пусть и большому, две гостиницы ни к чему, а одна во Вшенорах уже есть...»

Пан Стыбло терпеливо ждет, когда я прочту материал. Очень сердечная заметка. Вот в ней какие, в частности,

Конец правды — 1992 — 30 лет.

«И к имени моему Марина — прибавьте: мученица»

В Чехии у Марины Цветаевой родился сын.

руках и любезно готовый помочь. Правда, ее вшенорского дома он и сам не знает, но знает, где она жила в соседних поселках — в Горних и Долгих Мокропсах. А во Вшенорах может показать гостиницу, где она тоже снимала комнату.

Вот оно, то, что когда-то приютило Марину, — не здание, не строение, не дом — безобразно нищий, невеста как оказавшийся в богатом селе и стоящий у проезжей дороги во всем унижении своих обносков. Зеленая обшарпанная дверь, затянута паутиной, осыпавшаяся штукатурка, рухнувший балкон да вывеска с отвалившейся первой буквой — «...од лесом».

Мне вдруг приходит в голову странная мысль: что это — памятник ее бедности, всей горечи ее скитаний. Что ее приговорили к бедности даже

есть слова: «Наша память о пребывании во Вшенорах Марины Цветаевой — это лишь маленькая плата за долг чехов и жителей Вшенор этой выдающейся творческой личности».

Что ж, если помнят — то большего и желать нельзя. И, поблагодарив пана Стыбло, я иду к реке, которую зовут Бероунка, к той, что впадает во Влтаву, к той, что однажды после дождя унесла единственные башмачки Мариной дочке, и той, которая навеяла своими «полуволнами», «полурабью» знаменитое «Берегись...»

Но тесна вдвоем. Даже радость утр. Оттолкнувшись лбом И подавшись внутрь... Идиллические, пасторальные места! И совсем не идиллия в ее мятущейся душе. После четырех лет разлуки с

мужем — долгожданное воссоединение в Праге, вернее, это он, студент, в Праге в общежитии, а она с дочкой из-за дороговизны жилья — в деревнях. Но — на выходные друг к другу в гости. Вместе — в лес, на скалы, в Праге — ночевки в свободных кабинках общежития, кофе с рогалями в заводской кафетерии, посещение театра.

И все-таки «Берегись...» — это ему, Сергею Эфрону. А может быть, самой себе?

Чехия для Цветаевой — Болдино. Через неделю после приезда — еще вещи не разобранные, и убогость комнатки с видом на огород и несытость (однажды сварили слишком

Времени. — Десницы взмах! — Ты меня не любишь больше:

Истина в пяти словах. кому они — Родзевичу, Эфрону? Но именно перед этими стихами — та дневниковая запись: «хочу умереть». Но умереть совсем, раствориться в пустоте уже невозможно. Уже обречена на бессмертие.

...Ариадна Эфрон в своей записной книжке конца шестидесятых — став уже старше матери и как бы снисходительно-взрослее — объяснила Марину так: «Воздух ее чувств был и раскален и разрежен. Она не понимала, что дышать им нельзя — только раз хлебнуть!»

Ее движение (во всем, в творчестве, да и просто в жизни дней) всегда было восхождением; движения же с вершин (чувств, талантов и т. д.) — вниз, столь свойственного людям, она не понимала; всех обитателей долин ощущала альпинистами. Не понимала человеческого утомления от высот; у людей от нее делалась горная болезнь».

И другая Ариадна, маленькая, в своих чешских дневничках все о той же маме: «Вечером. Марина из-за переезда разрешает мне не заниматься арифметикой, а почитать «Ревизора». А сама садится за свою тетрадь, и мы обе едим яблоки, сколько хотим...»

...Мы ищем ее повсюду: на Карловом мосту — вот он, ее любимый Брунвик, рыцарь, стерегущий реку, — прекрасная статуя, похожая, как считала Марина, с ней лицом...

Мы ищем ее дом, на южном склоне Петршиной холма, в котором она прожила девять месяцев в Праге — с сентября 1923 до мая 1924-го. Дом, у которого «огромное окно на весь город, на все небо, улицы — с лестницами, даль, поезда, туман...»

Ищем — и не находим. Мы новички в Праге, а улица эта мала! Вот она начинается, а вот — кончается. И дальше огромный котлован за забором: строится Страховский тоннель. Мы с сыном огорожено смотрим на непроходимый забор: «Значит, дом этой тети Марины снесли?»

Я говорю: «Этого не может быть».

Мы делаем еще несколько замысловатых петель по холмам, и вдруг — выскакивая из-за очередного поворота всю на ту же улочку, натываемся на искомый номер — 1373. Вот он. Серый, красивый, ухоженный. Вид из окна — захватывает дух! Мемориальная доска — все, как положено. Цитата из «Стихов к Чехии». И барельеф — гордая, умная ее головка с подбородком, задранном вверх!

Ольга ДМИТРИЕВА.
(Наш соб. корр.)
Прага.

Ты, меня любивший
фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший —
дальше
Некуда! — За рубежи!
Ты, меня любивший дольше